

Олег Витальевич Мякинин,
сотрудник сектора документальной подготовки выставок
Государственный Эрмитаж, Россия
helgim@yandex.ru

Людмила Константиновна Рябова, кандидат исторических наук,
доцент кафедры источниковедения истории России
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
ludmilar@mail.ru

Позиция правых сил в отношении «финляндского вопроса» на страницах газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.)¹

Петербург, «финляндский вопрос», автономия, правые силы, газета
«Окраины России»

St.-Petersburg, right forces in Russia, newspaper Okraini Rossii

В статье показана позиция правых сил в Российской империи начала XX в. по «финляндскому вопросу», нашедшая отражение на страницах петербургской газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.).

In the article is considered the reflection of the policy of the right forces in Russian empire towards “Finland question” on the newspaper “Okraini Rossii” (1906–1912).

В годы первой русской революции Финляндию, Польшу, Украину и Кавказ охватила волна национально-освободительного движения, что крайне обострило национальный вопрос в Российской империи. Освещение национальной политики, проводимой правительством на окраинах, занимало одно из центральных мест на страницах периодических изданий практически всех политических сил дореволюционной России. Особенно много места этой теме, в том числе в отношении Финляндии, отводилось в правой прессе.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 10–01–00632 а/Ф.

В полной мере позиция правых сил по «финляндскому вопросу» в Российской империи нашла отражение на страницах еженедельной газеты «Окраины России», издаваемой в Петербурге в 1906–1912 гг. Задача этого издания сводилась к освещению жизни окраинных территорий во всех ее проявлениях и формированию общественного мнения по поводу проводимой правительством окраинной политики. Весь период своего существования газета придерживалась этой направленности. «Окраины России» внимательно следили за происходившими событиями в Великом княжестве Финляндском и Прибалтийском крае, за положением дел на Украине, в Виленском крае и Царстве Польском, за изменениями на Кавказе и Юге России. Также на страницах газеты нашли отражение события, имевшие место в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Газета распространялась как по подписке, так и через розничную торговлю в Петербурге и Москве, в Киеве, Вильне и Варшаве и с 1907 г. имела сотрудников и корреспондентов на всех окраинах, в том числе и в Гельсингфорсе. Она выходила один раз в неделю, и за год выпускалось 52–53 номера объемом не менее 16 страниц.

Инициатива издания газеты «Окраины России» с целью «тщательного изучения окраин для содействия укреплению в них русских начал и русской государственности» принадлежала создателю и руководителю особого Окраинного отдела Русского собрания, А. М. Золотареву и профессору права Н. Д. Сергеевскому. Среди организаторов газеты был также член первого Совета Русского собрания, генерал М. М. Бородин, а с 1907 г. и П. А. Кулаковский [1]. Участники издания состояли в различных консервативно-монархических партиях и организациях, в силу чего «Окраины России» являлись голосом всех правых сил страны в отражении национальной политики правительства на окраинах. Можно отметить тесную связь «Окраин России» с Русским собранием, из особого Окраинного отдела которого она и вышла. В этой связи примечателен еще один факт — временная, как предполагалось, приостановка издания «Окраин России» совпала с прекращением выпуска «Вестника Русского собрания» в 1912 г. Спустя два года после своего появления газета явилась инициатором создания Русского окраинного общества, печатным органом которого она и стала.

Первый номер еженедельника «Окраины России» вышел 5 марта 1906 г. В нем это издание было заявлено как политическая, общественная и литературная газета. Уже титульная страница первого номера газеты содержала информацию о концепции и целях нового еженедельного издания и сообщала, что «Окраины России» будут издаваться совместными силами и пожертвованиями «кружка русских

людей». Среди ближайших авторов и сотрудников газеты, членами редакционного комитета и активными участниками в ней были, помимо уже упоминавшихся лиц, профессора А. С. Будилович, И. И. Булатов, П. Г. Бывалькевич, В. Ф. Дейтрих, Н. А. Зверев, Н. Л. Мордвинов, А. Ф. Риттих, князя А. А. Ширинский-Шихматов, Б. М. Якунчиков и другие. Издателем был избран П. А. Кулаковский и редактором — П. Г. Бывалькевич, которые оставались на этих постах бессменно в течение всех семи лет выхода газеты.

В газете особо отмечалось, что на ее страницах будет отражаться голос тех, «кто крепко стоит за целостность России, любит величественную историю Русского государства, верует в будущность Российской империи и дорожит ее единством, пользой, честью и славой. Интересы и нужды русских людей, живущих на окраинах, и инородцев, преданных России, найдут в ней защиту» [2]. Читателям сообщалось о тех вопросах, которые будут преимущественно освещаться на страницах газеты. Планировалось публиковать: руководящие статьи по окраинным вопросам политического, экономического и исторического характера; обозрение фактов и явлений государственной и общественной жизни, главным образом, имеющих отношение к положению окраин; обозрение русской и иностранной печати; краткие обозрения выдающихся событий в России и за границей; библиографию и указатель книг и статей преимущественно по окраинному вопросу; корреспонденции и т. д.

Во вводной статье первого номера, озаглавленной «О задачах и целях», редакция выражала обеспокоенность за территориальное единство страны. В частности в ней говорилось о том, что в «тумане политической смуты, которая охватила наше Отечество, резко выделяется стремление нарушить государственное единство России». Основной целью газеты называлось привлечение общественного внимания к проблеме государственного единства, ставилась задача «раскрыть глаза общественности», как представлялось ее издателям, на опасность отторжения окраинных территорий [Там же].

В этой же статье указывалось на определенное стремление «внутренних врагов» предоставить полную государственную обособленность от России для Финляндии, Польши и Кавказа. «Окраины России» рассчитывали вести борьбу, прежде всего, «печатным словом», с помощью просветительской работы, направленной на отстаивание государственных интересов и сохранение территориальной целостности Российской империи.

Вслед за вводной статьей в первом номере была помещена статья издателя «Окраин России» П. А. Кулаковского, писавшего под псевдонимом «П. К.», «Значение русского племени в России». Здесь он

сформулировал основополагающие идеи о России как государстве и о положении окраин в нем. По сути, это было выражением той официальной линии, которой издание намерено было неукоснительно придерживаться в своих публикациях. Сделанные П. А. Кулаковским выводы, определявшие позицию газеты, сводились к трем основным положениям.

«1) Россия — государство в одном территориальном целом. Русский народ и по историческому праву, и по численности, и по фактической силе дает ей свой облик и народный характер. Россия есть государство русское и по характеру, и по имени, и по задачам своей истории.

2) Окраины являются необходимыми для русского государства, и каждое их обособление, каждое ослабление их связи с центром государства отзовется лишь новыми тяготами, лежащими на народ-хозяина, на центр и главную массу населения, вызывает и вызовет необходимость нового напряжения сил русского народа.

3) Окраины России находятся в таком положении, что должны стремиться к теснейшему сближению с центром России не только в силу экономических и географических условий своего положения, но и в силу самосохранения и спасения своего народного облика. Ни одна из них существовать самостоятельно не может, ибо станет или добычей более сильного соседа, или погибнет во взаимной борьбе мелких соперничающих в ней сил и народностей» [3].

К 1912 г., когда издание «Окраин России» было приостановлено, она смогла объединить значительный круг лиц, разделявших позицию газеты, и первоначальный кружок «участников» вырос до 70 человек. Среди них, как писал П. А. Кулаковский в своем «Слове к читателям» в последнем сдвоенном номере, были «и один из представителей высшего духовенства, немало лиц гражданских и военных высшего положения в государстве, представители русской аристократии, несколько профессоров, общественных деятелей, публицистов, купцов», и особо отмечалось, что «между ними не было капиталистов» [4]. При этом П. А. Кулаковский особо подчеркивал, что «органы подобного характера не преследуют никаких материальных целей и даже не представляют отражения взглядов какой-либо одной политической партии», что это орган «кружка единомышленников во взглядах на окраины и их отношения к целому нашего государства» [Там же].

Переходя к анализу газетных публикаций, нужно отметить, что авторы статей и лица, которые принимали активное участие в издании газеты, в большинстве своем были отличными специалистами в том или ином вопросе в области национальной политики. Авторские публикации многих из них соответствовали уровню серьезных научных

исследований, благодаря чему они оказывали существенное влияние на общественное мнение по национальному вопросу в России.

Российско-финляндские отношения занимали особое положение на страницах газеты среди других окраинных вопросов. Этому способствовала как непосредственная географическая близость беспокойного Великого княжества Финляндского к Петербургу, так и то, что автономия княжества к началу XX в. уже достигла угрожающего целостности Российской империи предела, с уже сформировавшимися внутренними институтами своей особой финляндской государственности. В этой связи нужно отметить, что в позиции газеты динамика развития «финляндского вопроса» нашла наибольшее свое проявление.

Анализ содержания материалов «Окраин России», касающихся «финляндского вопроса», позволяет выделить три главных направления в его отражении на страницах газеты: обращение к истории Великого княжества Финляндского в составе Российской империи; обсуждение проблемы определения государственно-правового статуса Великого княжества Финляндского; освещение общественно-политической стороны «финляндского вопроса».

Истории российско-финляндских взаимоотношений уделялось повышенное внимание на страницах газеты за весь период издания «Окраин России». На протяжении всех семи лет выхода газеты внимание читателей акцентировалось на истории вопроса публикацией статей различных авторов, писавших об истории возникновения Финляндии, о ее шведском периоде, об истории включения ее в состав Российской империи по итогам русско-шведской войны 1808–1809 гг. Однако наиболее яркое освещение истории «финляндского вопроса» наблюдалось в публикациях 1909 г. — года празднования столетнего юбилея присоединения Финляндии к Российской империи. Эти ретроспективные обозрения носили характер не столько историко-просветительский, сколько были направлены на укрепление русского национального самосознания.

В публикациях по освещению истории российско-финляндских отношений в большом количестве печатались материалы, описывающие военные действия в ходе русско-шведской кампании 1808–1809 гг. Значительное внимание к действиям русской армии в этой войне объяснялось стремлением напомнить современникам, что за обладание Финляндским краем Россией была заплачена очень высокая цена — жизни русских солдат. А это, по мнению авторов газеты, ни в коем случае нельзя было забывать политическим деятелям при обсуждении «финляндского вопроса». Основной же задачей этих публикаций было усиление патриотических чувств русских людей,

привлечение их внимания к всевозрастающей угрозе потери финляндской окраины, завоеванной русским оружием. В этой связи весьма примечательными представляются доводы историка Ю. Н. Данзас, писавшей в «Окраинах России» под псевдонимом «Наш» [см.: 5, с. 252]. В статье под заголовком «1809–1909» Ю. Н. Данзас оценивала 1809 г. как один из поворотных пунктов русской истории. Тогда Россия, победоносно завершив свою последнюю войну за владычество на Балтике, переносит свою северо-западную границу «от края до края заветного побережья, за пределы финляндских губерний, столько раз орошенных русской кровью». Именно такой ценой произошло решение вопроса, «ставшего неотложным после неожиданного перенесения столицы и с ней центра тяжести русского государства к устьям Невы» [6]. В статье «Долг перед прошлым» Ю. Н. Данзас отметила различное отношение русских и финляндцев к войне 1809–1909 гг. В частности, автор пишет, что «в России часто не умеют идеализировать даже победы! По отношению к финляндской войне 1808–1909 гг. для многих и поныне не ясно, какое громадное, решающее значение имела в русской истории эта война, завершившаяся присоединением к русской державе всей береговой полосы Балтийского моря, определяющей естественную северо-западную границу Империи». Отношение же в Финляндии к этой войне Ю. Н. Данзас определила следующим образом: «Для финляндцев война 1808–1909 года давно стала национальной эпопеей, благодаря пламенным патриотическим стихам Рунеберга, и воспетые им национальные герои никогда не умрут в памяти народной. Горячая, страстная любовь к родине сумела одухотворить и идеализировать даже грустную для патриотического сознания историю поражений и окончательного завоевания. И эта любовь создает целые поколения борцов за лучшее будущее; эта идеализация поражения создает мстителей за прошлое» [7]. В этой же статье, подводя итоги столетнему периоду пребывания Финляндии в составе Российской империи, автор с горечью констатировала: «Сто лет после заключения Фридрихсгамского мира мы на месте финляндских губерний, поступивших в державное обладание Российской Империи, видим автономное государство, готовое к полному отпадению от России. Точно рухнули в пропасть усилия десяти веков укрепиться на Балтийском побережье, точно смыта с финляндских скал вся русская кровь» [Там же].

Публикацией статей подобного характера «Окраины России» привлекали внимание также и к военно-стратегическому фактору — возможности превращения финляндской территории в театр будущей войны. «Надо трезво и ясно смотреть на вещи, а следовательно — нельзя не осознавать, что с кем бы мы ни воевали, Финляндия, при современном ее

поведении, всегда будет иметь весьма важное значение с точки зрения обороны государства» [8]. Газета постоянно подчеркивала неоспоримую важность территории Великого княжества Финляндского для защиты столицы империи Санкт-Петербурга.

Большое число исторических материалов, помещавшихся в газете, посвящалось политике российского самодержавия в Финляндском крае. В этих публикациях давалась сравнительно-критическая оценка государственной политики, начиная с Петра Великого и завершая современным для газеты периодом царствования Николая II. Чаще других на страницах газеты «Окраины России» публиковались статьи о политике Александра I, что вполне объяснимо. Именно к этому времени обращалась финляндская сторона для подтверждения своей особой государственности, дарованной княжеству Александром I. В этом отношении примечательна статья «Финляндский вопрос», открывающая рассмотрение российско-финляндских взаимоотношений на страницах газеты «Окраины России». Она была напечатана сразу после вводной статьи первого номера газеты в 1906 г., подчеркивая тем самым центральное место, которое было отведено в «Окраинах России» в рассмотрении окраинной политики именно «финляндскому вопросу». Как ответ на ссылки финляндцев на то, что Александр I сохранил Финляндии прежнюю, еще шведскую форму правления, отвечающую нормам самостоятельной государственности, в этой статье приводились сравнительные характеристики управления краем Россией и Швецией. Несмотря на завоевание Финляндии Александром I, говорилось в статье, «внутренний смысл этого движения был очень скоро потерян, и завоеванная Финляндия начала шаг за шагом приобретать признаки отдельной, самостоятельной государственности» [5]. Рассматривая политику Александра I по отношению к завоеванной новой окраине империи, «Окраины России» замечают, что для «Финляндии было сохранено ее прежнее внутреннее устройство, ее особая администрация, права личной свободы, прежние права поземельной собственности, гражданское право, старое уголовное уложение, существовавшая воинская повинность, действовавшие судопроизводство и судоустройство и т. п. А главное — предоставлено, хотя и не вполне, отдельное, местное законодательство» [Там же]. Таким образом, в газете заключается, что Финляндия, будучи только завоеванной, получила «то, что принято называть широким внутренним самоуправлением». Эти привилегии уже тогда вызвали сильный протест в русском обществе, особенно в среде декабристов. В частности, приводится мнение П. И. Пестеля, который находил, что «Финляндия не только должна быть лишена привилегированного положения *status in status*,

но и должна быть слита с Россией обрусительными мероприятиями». Далее переходя к рассмотрению последующей окраинной политики русских государей, в статье «Финляндский вопрос» говорится, что Николай I в этом отношении «не сделал ни шагу вперед». В период царствования Александра II было установлено периодическое собрание сеймов, и, как отмечается в статье, «в его время финляндцы сделали наибольшие успехи в деле создания своей государственности». В начале же царствования Александра III Финляндии были предоставлены «новые конституционные права, например, право локций, т. е. законодательного почина». В конце же царствования Александра III проявился «поворот в сторону ясной объединительной политики, которая решительно продолжалась при ныне царствующем Императоре вплоть до убийства генерал-губернатора Н. И. Бобрикова. С прошлого года все дело было торопливо брошено. Началось отступление по всем пунктам, и манифестом 22 октября 1905 г. почти все сделанное было зачеркнуто и разом уничтожено» [Там же].

Продолжая освещение истории «финляндского сепаратизма», «Окраины России» предлагали вниманию читателей также статьи ретроспективного характера известного специалиста, много писавшего по «финляндскому вопросу» генерала М. М. Бородкина, бывшего ближайшим сподвижником генерал-губернатора Финляндии Н. И. Бобрикова. Так, М. М. Бородкин, рассматривая историю столетнего пребывания Финляндии в составе Российской державы, отметил, что первые пятьдесят лет протекли нормально. Финляндия признавала себя провинцией, не задумывая нарушать единства России. «После шестидесятих годов все стало меняться, и она начала стремиться к неосуществимой цели и полна протестов по каждому государственному шагу Империи» [9]. Причины этому М. М. Бородкин, видел, прежде всего, в национальных особенностях русского управления окраиной, поскольку русские — «самый бессистемный народ в Европе», а «наши администраторы искали себе популярности среди финского населения политикой уступок и поблажек. Эти администраторы — полная противоположность иностранным, которые, прежде всего, заботились о том, чтобы понравиться своим, на родине». Так, М. М. Бородкин отмечал, что «один генерал-губернатор с большим трудом вводит русский язык в сенат, другой разрешает финляндцам самовольно удалить его. Один изгоняет из края представителей сопротивления русскому правительству, другой представляет их кандидатами в сенат». Главную причину создавшегося положения автор видит в «политике колебаний», неизбежным последствием которой он называет «падение престижа русской власти» [Там же].

Таким образом, развитие «финляндского сепаратизма» в «Окраинах России» представлялось в газете следствием, прежде всего, бессистемности управления Финляндским краем, который за сто лет пребывания под властью России получил мощный стимул для своего расцвета как экономического, так и политического, но, прежде всего, расцвета культурного. Столь пристальное внимание к прошлому российско-финляндских отношений было обусловлено современным газете состоянием «финляндского вопроса», когда Великое княжество Финляндское за годы революции 1905–1907 гг. превратилось в практически самостоятельное государство. Публикацией исторических материалов газета «Окраины России» пыталась обнажить ошибки прошлого в управлении краем с целью избежать их в поиске путей разрешения вопроса.

Следующая довольно объемная группа материалов по «финляндскому вопросу», публикуемых на страницах петербургской газеты, касалась проблемы определения государственно-правового статуса Великого княжества Финляндского, поскольку, как было замечено в газете, юридическое положение княжества с момента его присоединения к России не имело четкого документального оформления.

В марте 1809 г., еще до заключения Фридрихсгамского мирного договора со Швецией, Александр I в Борго на собрании представителей четырех сословий Финляндии дал торжественное обещание не нарушать религии, коренных законов, прав и преимуществ, которыми пользовались подданные княжества по конституциям еще шведского периода правления. Вокруг этого обещания, данного Александром I финляндским сословиям, и разгорелся спустя сто лет спор российских и финляндских специалистов права. В финляндской общественности к рубежу XIX–XX вв. приняла четкие очертания теория «особого финляндского государства», базировавшаяся на данном обещании соблюдать действовавшие в княжестве коренные законы. В 1888 г. была опубликована работа автора многочисленных статей о Финляндии и двухтомного исследования «Покорение Финляндии» К. Ф. Ордина, переведшего на русский язык сочинение финляндского сенатора Лео Мехелина «Конституция Финляндии», в котором впервые освещались конституционные права Финляндии. Публикация на русском языке труда Л. Мехелина спровоцировала полемику в российском и финляндском обществе вокруг «финляндского вопроса».

В ответ на теорию финских юристов об «особом финляндском государстве», лишь находящемся в союзе с Российской империей и не входящем в ее состав, газета «Окраины России» начала 1910 г. публикацией статьи профессора государственного права, крупного специалиста

по русскому государственному праву, написавшего две диссертации по европейскому административному праву, Н. О. Куплеваского «Справка о мнениях 25-ти русских ученых, специалистов права, по вопросу о юридическом положении Финляндии в составе Русской Империи» [10]. Для объективности своей «справки» Н. О. Куплеваский дал точные ссылки на работы профессоров, специалистов права. Автор отмечал, что сознательно не стал приводить суждения по этому вопросу известных политических деятелей, писателей — приверженцев «бобриковской» системы управления краем, таких, как, например, генерал М. М. Бородин, К. Ф. Ордин. Благодаря этому «приему» читатель получал определенное представление о позиции большинства известных и авторитетных русских специалистов права по «финляндскому вопросу».

Из «справки» следовало, что в вопросе о правовом статусе Велико-го княжества Финляндского в русской юридической мысли были и противники, и сторонники теории «особой финляндской государственности», причем явное большинство ученых принадлежало к первой группе. По мнению Н. О. Куплеваского, из 25 русских ученых-специалистов права, взгляды только пятерых «оказываются благоприятными для притязания финляндских публицистов», а труды сторонников теории «особого финляндского государства» относятся к тому времени, «когда по истории этих отношений как ученая, так и обыкновенная публика была или в полном неведении, или черпала свои сведения из одного только источника — проф. Л. Мехелина» [Там же].

Для большей убедительности сделанного замечания Н. О. Куплеваский приводит пример из своего собственного опыта. Когда он занялся исследованием данного вопроса, то, прежде всего, обратился к уже появившимся работам А. Градовского и А. Романовича-Славатинского. Это, по его словам, были скорее краткие замечания, в которых заключения выводились без достаточной мотивировки, на основании какого-либо одного признака. Представление о том, что Финляндия есть самостоятельное государство и находится с Российской империей в реальной унии, составлялось, например, на том основании, что в Финляндии есть сейм. Также для того, чтобы исследование было более обстоятельным, Н. О. Куплеваский стал искать специальные монографии, посвященные этому вопросу, и нашел только одну — монографию профессора Л. Мехелина — “*Precis du droit public du Grand-Duché de Finland*”. Н. О. Куплеваский отметил, что Л. Мехелин в своем очерке, говоря о Фридрихсгамском трактате, умолчал о статье IV, которая буквально гласит: «Губернии сии (финляндские) переходят в собственность и державное обладание России и к ней навсегда присоединяются», а привел

из этого трактата только статью VI, содержащую несколько благоприятных для Финляндии выражений». И поскольку Н. О. Куплеваский, как он сам отметил, «не был знаком с текстом самого трактата, то об этой IV статье я узнал гораздо позже от профессоров международного права». И поэтому первоначально Н. О. Куплеваский считал Великое княжество Финляндское особым государством [11].

Таким образом, исходя из вышеизложенных замечаний, профессор Н. О. Куплеваский сделал предположение, что и эти ученые — защитники теории «особого государства», находились в том же положении, в каком оказался и он, за исключением отчасти профессора В. Сергеевича, которому, по крайней мере, содержание ст. IV Фридрихсгамского трактата в 1883 г. было известно; он эту статью цитирует [Там же].

Анализ материалов «Окраин России», касающихся определения государственно-правового статуса Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, позволяет резюмировать основные положения по данному вопросу, излагаемые в газете:

1) Финляндия была и остается инкорпорированной в состав Российской империи провинцией или областью;

2) Финляндия односторонними актами русской верховной власти наделена весьма широкими правами и имеет свою областную конституцию;

3) Российская империя имела право определять компетенцию местных учреждений Финляндии и может как расширять эту компетенцию, так и сужать ее, если эта компетенция наносит империи существенный вред или грозит существенным вредом в будущем.

Подводя итоги обзора материалов «Окраин России», касающихся определения государственно-правового статуса Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, нужно отметить высокий научный уровень публикаций, освещающих юридическую сторону «финляндского вопроса», попытки дать научно обоснованные доказательства несостоятельности доводов финляндской стороны в защиту теории «особой финляндской государственности», прежде всего, с точки зрения юридической науки. Необходимо также заметить, что наибольшее количество публикаций правового характера на страницах газеты отмечается в 1910 г., что вполне объяснимо. Именно в этом году в Государственной Думе шло обсуждение законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения.

Основной же массив публикаций, отражавших «финляндский вопрос» на страницах газеты, имел общественно-политический характер. В этих публикациях наиболее полно были представлены взгляды

участников еженедельника «Окраины России». Позиция газеты в «финляндском вопросе» была выражена еще в первом номере «Окраин России» 1906 г., в котором был опубликован перечень первоочередных задач для разрешения вопроса. Этот перечень необходимых мероприятий был озаглавлен как «Русская объединительная программа по отношению к Финляндии» [12]. Программа «Окраин России» по «финляндскому вопросу» заключала в себе следующие задачи:

«1. Назначение на высшие ответственные должности по финляндскому управлению таких лиц, которым не были бы чужды интересы русского государства и русского народа.

2. Признание равноправности русских людей в Финляндии с местными гражданскими: по службе государственной и общественной, по имуществу, в сфере политической и профессиональной деятельности, одним словом, предоставление русским в Финляндии тех же самых прав, которыми финляндцы беспрепятственно пользуются во всей России.

3. Уравнение Финляндии с прочими частями империи в несении тягостей общегосударственных расходов и повинностей.

4. Подчинение общегосударственного законодательства всероссийской Государственной думе и Государственному совету, при участии представителей финляндского народа, и определение предметов этого законодательства вне зависимости от усмотрения финляндского сейма.

5. Недопущение образования отдельной финляндской армии или иных финских войсковых частей.

6. Введение государственного языка в делопроизводство высших правительственных установлений.

7. Возвращение к общей русской монете, введенной императором Александром I и уничтоженной Александром II.

8. Подчинение русской правительственной власти, сверх почты и телеграфа, также железных дорог и лоцманского ведомства, в видах обеспечения существенных государственных и стратегических интересов.

9. Соединение рельсовых путей и движения русских и финляндских железных дорог.

10. Снятие таможенной черты, отделяющей Финляндию от прочих частей империи, в качестве, будто бы, особого государства.

11. Наблюдение русской правительственной власти за учебным делом и особое попечение о русских училищах и об интересах православных приходов в Финляндии» [Там же].

Данная программа определила характер публикаций по «финляндскому вопросу» на годы вперед. Освещение российско-финляндских отношений на протяжении всех семи лет издания газеты в полной мере

соответствовало заявленным задачам в «Русской объединительной программе по отношению к Финляндии».

«Окраины России» с пристальным вниманием следили за деятельностью финляндских генерал-губернаторов. Особенно жесткой критике в газете подверглась деятельность князя И. М. Оболенского и его преемника Н. Н. Герарда, управлявшего Финляндией в либеральном духе. В статье «Н. Н. Герард основывает финляндское государство» автор, писавший под псевдонимом “Норман”, обвинил Н. Н. Герарда в небрежном отношении к русским в Финляндии, в неотстаивании интересов России, а наоборот, в укреплении финляндской автономии. Норман подвергал критике Н. Н. Герарда за то, что он управляет краем не самостоятельно, а по советам «своего постоянного финляндского суфлера Мехелина» [13]. В другой статье «Гельсингфорс» корреспондента «Окраин России», писавшего под псевдонимом «Русский учитель», Н. Н. Герард был обвинен в попустительстве сокращению русских школ и в снижении их субсидирования из финляндской казны [14].

Со страниц «Окраин России», в течение всех лет издания, постоянно поднимался вопрос об уравнивании российских подданных в крае с правами финляндского гражданства, причем «Окраины России» отмечали сильное противодействие политике российского правительства в Финляндии. По этому поводу в газете говорилось, что «враги и противники единства империи выдвигают обвинение в попытке насильственного обрусения финляндцев, в стремлении подавить местную культуру, уничтожить язык» [3]. Подобные обвинения в газете характеризовали как ложь и злостную выдумку. В опровержение газета заявляла, что во всех мероприятиях за последние годы царствования Александра III и до 1905 г. «добросовестному исследователю решительно невозможно отыскать ни малейшего намека на лишение финнов их этнографических, национальных и культурных особенностей» [Там же]. Таким образом, по мнению «Окраин России», поднятый Россией «крестовый поход» против финляндской культуры, существовал только в фантазии финляндских политиков.

В этой связи нельзя не отметить обширную полемику русской и европейской общественности по «финляндскому вопросу», отразившуюся в статьях издателя газеты, историка, филолога-слависта, профессора П. А. Кулаковского «Финляндский вопрос и чужое вмешательство» [14] и «Заявление немецких профессоров по финляндскому вопросу и протесты против него русских обществ и ученых» [15]. Первая статья П. А. Кулаковского была ответной реакцией «Окраин России» на сделанное немецкими учеными заявление по «Финляндскому вопросу». П. А. Кулаковский отмечал, что заявление является плодом

стараний финляндских сенаторов, что Лео Мехелин, «злой дух Финляндии», давно пытался придать российско-финляндским отношениям характер международных. Автор заметил, что «вожди финляндского сепаратизма давно прибегали к обработке “общественного мнения” в Западной Европе, подражая в этом отношении полякам, которые умели искусно поддерживать у нас какой-то суеверный страх перед мнением западноевропейским. Но выражение: “А что скажет Европа?” имело, быть может, некогда свое значение, а теперь оно уже равносильно фамусовскому восклицанию: “Ах, Боже мой, что скажет княгиня Марья Алексеевна!”» [14].

После «разоблачения» идеи финляндских сепаратистов вывести «финляндский вопрос» на международную арену П. А. Кулаковский столь же бесцеремонно приступил к разгрому возвания немецких профессоров. Издатель газеты обращает внимание на то, что после обстоятельного, хотя и весьма сжатого, обзора Н. О. Куплеваским мнений видных русских специалистов права о юридическом статусе Финляндии в составе Российской империи становится вполне очевидным, что с точки зрения юридической науки на Финляндию можно смотреть только, как на «завоеванную Россией провинцию» и «все, что может иметь общегосударственное значение, конечно, не может подлежать какой-либо компетенции финляндского сейма, — это ныне дело Государственных Думы и Совета» [Там же].

Не скрывая своего раздражения, П. А. Кулаковский обрушился с критикой на немецких ученых: «Если немецким профессорам этого непонятно, то жаль, что в их научной подготовке существует такой пробел точных знаний, что они роняют добрую славу немецких ученых, которые прежде говорили лишь о том, что хорошо знают, и молчали о том, чего не знают» [Там же]. Весьма показательным для возникшей в 1910-е гг. в российской публицистике темы о российском национализме является поворот, примененный автором статьи, к еврейскому вопросу. Автор пишет, что немецких профессоров «нужно поучить. <...> Впрочем, в наш век, когда в коллегиях германских университетов заседает уже много евреев, можно сомневаться в успехе самой строгой, точной и основательной научной аргументации» [Там же]. Далее автор отметил, что за попытками финляндцев придать международный характер разногласиям, возникшим между Россией и Финляндией, весьма внимательно следят поляки, испытывающие теперь «удивительно нежные чувства к Финляндии». И в силу этих обстоятельств, по мнению П. А. Кулаковского, заявление «некоторой группы немецких профессоров» по «финляндскому вопросу» было недопустимым прецедентом. По мнению автора статьи, можно было

бы не обратить внимания на это «произведение немецко-еврейских гелертеров», но «тут интересна лишь первая в наше время попытка прибегнуть вновь к старому средству, иногда оказывающему свое действие на Россию, ее правительство и часть общества: “а что скажет Европа?”» [Там же].

Такой же резкой и эмоциональной оказалась вторая статья П. А. Кулаковского «Заявление немецких профессоров по финляндскому вопросу и протесты против него русских обществ и ученых». Этой статьей начинался 5-й выпуск газеты за 1910 г., а публикация только протестов русской общественности растянулась по 20-й выпуск включительно.

Обвинив в первой статье современную немецкую научную школу в несостоятельности судить о данном вопросе, П. А. Кулаковский объяснил это, прежде всего, предвзятостью мнения и, особенно, возросшим еврейским фактором в германской научной мысли. Подготовив, таким образом, мнение читателя, он в следующей статье привел уже сам текст заявления немецких профессоров и подверг его еще большей критике. В связи с необходимостью раскрытия доводов издателя «Окраин России» П. А. Кулаковского, а также для получения представления о точке зрения западной, в частности германской, общественности на российско-финляндские отношения, представляется целесообразным привести сам текст сделанного немецкими учеными заявления по «финляндскому вопросу». Итак, по данным «Окраины России», в берлинских газетах *Taegliche Rundschau*, *Berliner Tageblatt* и *Vossische Zeitung* было помещено заявление в пользу притязаний Финляндии, подписанное 65 немецкими учеными от 1 января 1910 г., следующего содержания:

«Предпринятые за последнее время русским правительством против Великого Княжества Финляндского меры имеют столь чрезвычайный характер и значение, что они неминуемо должны были вызвать в каждом культурном и правовом государстве самое мучительное внимание и антипатию.

Мы далеки от желания вмешиваться во внутреннюю политику России. Но существующее между Российским правительством и Финляндским народом разногласие затрагивает также и общие интересы Европы и даже всех культурных государств. Император Александр I приобрел (*erwarb*) Финляндию, заявив вместе с тем, что он хочет дать Финляндии самостоятельное существование, в качестве соединенного с великим русским государством государства (*Staat*), — заявление, на которое ссылались и при заключении Фридрихсгамского мирного договора, и коим Швеция отказалась от Финляндии. Если, таким образом, господствующее между Россией и Финляндией разногласие

и не таково, чтобы его следовало передать на обсуждение международного третейского суда, то, во всяком случае, и улаживание его согласно праву немаловажно для доверия, с которым должно относиться к международному праву: ибо территориальное приобретение, которое указанным образом опиралось и на согласие населения завоеванной страны, при чем и формальный договор о передаче напоминал об обещании, данном завоевавшей страной, не является приобретением, которое давало бы завоевавшему государству право взять обратно раз данное уверение без нарушения этим международного права.

Нижеподписавшиеся полагают, что они выражают убеждение широких немецких кругов, высказывая, ввиду угрожающей ныне самостоятельности Финляндии опасности, следующее:

1. По почти что единогласному мнению самых выдающихся правоведов среди всех цивилизованных народов Император Александр I в 1809 г., при соединении Финляндии с Россией, признал за Финляндией положение государства (Staat), особого от русского государства (Staat). Уничтожение, или же одно посягательство на эту политическую самостоятельность Финляндии, было бы равносильно нарушению торжественно данных уверений и отмене считавшегося во время нескольких поколений неприкосновенным правопорядка.

2. Мы глубоко сожалели бы о неизбежной, при потере политической самостоятельности, гибели особой финляндской культуры, так как эта путем тяжкого труда и собственными силами достигнутая культура составляет очень ценное звено всей современной культурной жизни.

3. Мы не можем допустить мысли, чтобы русское общество и прежде всего законные представители русского народа положили начало внутреннему строительству политической жизни своей родины занесением руки к явному нарушению конституции и духовному уничтожению дельного и постоянно лояльного народа» [15].

Комментируя текст «заявления», П. А. Кулаковский, прежде всего, обращает внимание на «несерьезность и легкомысленность» тона заявления немецких ученых, столь не свойственный заслуживающей уважения немецкой научной школе. Автор подчеркивает, что заявление исходит от именно немецких ученых, «ибо в перечне подписей нет ни одного члена не немецких коллегий» [Там же]. Далее следует более критическое рассмотрение списка подписавших воззвание. Автором делается акцент на нескольких, по его мнению, «несомненно еврейских фамилиях», что придает этому возванию «специфический характер». Продолжая анализ списка ученых, П. А. Кулаковский отмечает, что некоторые из них являются узкими специалистами в своей

области, далекой от внешнеполитических вопросов, например, зоология или сравнительная грамматика, и, следовательно, не имеют никакого права на самостоятельность суждений в данном вопросе. Исходя из этого, автор делает вывод: «Все эти лица притянуты, так сказать, за волосы к участию в этой выходке — *sit venia verbo!* — школьниково-шалунов» [Там же].

Таким образом, по мнению П. А. Кулаковского, данное воззвание абсолютно не отражало действительное отношение немецкой общественности к российской политике в Финляндии. После столь критического рассмотрения списка немецких ученых, подписавших данное воззвание, автор дал не менее критический анализ самого текст заявления. Первое, на что П. А. Кулаковский обратил внимание, было то, что в тексте заявления упорно повторялось слово “*erwerben*”, что в переводе автора статьи означает «приобрести, добыть», и это, по его мнению, говорило о том, что немецкие ученые подписали заявление, не ознакомившись предварительно с полным текстом Фридрихсгамского мирного договора, в связи с чем не смогли увидеть истинного его смысла. Исходя из этого довода, П. А. Кулаковский констатировал: «теряется уважение к немецкой учености, к немецкой честности...». Особое же недоумение у автора вызвали выводы заявления немецких ученых, в частности положение о том, что Финляндия признавалась с самого ее покорения Россией государством со своими государственными учреждениями. Данное утверждение П. А. Кулаковский оценил как невежественное, аргументируя это следующим образом: «Ведь, если немецкий ученый собирается судить о таком простом вопросе, была ли завоевана Россией или нет Финляндия, то ему даже не нужно изучать русский язык для знакомства с историческим фактом, а можно прибегнуть и к тексту перевода, но перевода авторитетного, критически проверенного. Где же хваленая ученая добросовестность и точность немецкой науки?...» [Там же]. Затем П. А. Кулаковский комментирует обеспокоенность немецких профессоров по поводу неизбежной гибели особой финляндской культуры, которая, по их мнению, была достигнута благодаря лишь собственным силам и тяжкому труду финляндцев. В связи с этой обеспокоенностью он заметил: «Но какую такую *особую* культуру создали финляндцы? То, что в этой стране существует известный порядок, известная зажиточность некоторых классов, известная маленькая литература и много всяких газет и листовок — так это разве особая культура?» [Там же]. Таким образом, из данного возражения видно, что П. А. Кулаковский испытывал глубокие сомнения в искренности немецких ученых, придававших особое значение финляндской культуре, составляющей, по их мнению, «очень ценное звено всей современной культурной жизни».

Самым же характерным для значения данного заявления П. А. Кулаковский считал его последний пункт. Здесь автор статьи увидел явное обращение немецких профессоров к членам российских государственных учреждений с целью убедить их воспротивиться осуществлению прав России урегулировать отношения с одной из ее окраин. П. А. Кулаковский определил заявление немецких ученых как первую такого рода попытку, за которой «несомненно, последуют еще разные “заявления” со стороны не только западноевропейцев, а даже, быть может, и славян, в роде поляков и, пожалуй, части чехов, но и кто знает? — со стороны группы русских родичевского типа» [Там же]. Здесь автор выразил беспокойство, не послужат ли эти заявления предлогом для каких-либо откликов в политической сфере. В связи с этим П. А. Кулаковский бросил призыв громче и сильнее протестовать против этой «выходки» немецких профессоров, чтобы голоса протеста раздавались со всей России.

Вслед за призывом П. А. Кулаковского газета «Окраины России» открыла цикл публикаций протестов русской общественности, продолжавшийся с 5-го по 20-й номер газеты в 1910 г. Свои протесты на заявление немецких ученых прислали:

1. Советы: Русского собрания; Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III; Славянского благотворительного общества; Русского окраинного общества; Союза Русского народа и Союза Архангела Михаила.

2. Всероссийский национальный клуб.

3. Профессора Новороссийского университета.

4. Профессора Императорского университета св. Владимира в Киеве.

5. Киевский клуб русских националистов.

6. Профессора Юрьевского университета.

7. Киевский отдел Русского собрания.

8. Киевский губернский отдел союза Русского народа.

9. Русское общество в Варшаве.

Таким образом, можно констатировать, что на призыв П. А. Кулаковского откликнулись практически все основные правомонархические и националистические организации Российской империи, что, в свою очередь, указывает на авторитет газеты «Окраины России» как голоса правых сил в национальном вопросе.

Все опубликованные «протесты» выражали абсолютную солидарность со статьей П. А. Кулаковского. Из их содержания следовало, что заявление немецких ученых признавалось плодом антирусской деятельности финляндских сепаратистов, извративших факты российско-финляндских отношений. Во всех «протестах» русской правдой общественности прослеживается острое неприятие выводов немецких

ученых. Опротестовывалось утверждение об особой государственности Финляндии. Опровергалось убеждение о возможной гибели особой финляндской культуры, которая достигла своего расцвета лишь благодаря покровительственной политике России по отношению к своей финляндской провинции.

Лейтмотивом этих документов проходило убеждение в том, что данное заявление нарушало все нормы международного права и «международного приличия». И самый главный вывод, который был сделан, сводился к тому, что «финляндский вопрос» — внутреннее дело Российской империи, вследствие чего подобные воззвания назывались неуместным и дерзким вмешательством во внутреннюю политику России.

В газете «Окраины России» особо пристальное внимание было обращено на политику российского правительства, проводимую по отношению к Финляндскому краю. В течение всех семи лет на страницах газеты нашли отражение все мероприятия правительства по решению «Финляндского вопроса». В публикациях газеты подробно освещалась деятельность созданного при Совете министров Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского, в составе которого были и участники газеты Н. Д. Сергеевский и М. М. Бородин, а также постоянный автор публикаций по «финляндскому вопросу» В. Ф. Дейтрих.

Как уже было сказано, наибольшее количество материалов, касавшихся внутривнутриполитических мероприятий по отношению к Финляндии, было опубликовано на страницах газеты в течение 1910 г., что было обусловлено ожиданием закона о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения. Таким образом, в 1910 г. в преддверии принятия Государственной Думой данного законопроекта «Окраины России» создавали общественное мнение по «Финляндскому вопросу» публикацией статей, определяющих положение Финляндии в составе России как нераздельной ее части, не обладающей никакой юридически подтвержденной особой государственностью. В связи с этим Высочайший манифест о передаче на рассмотрение Государственной Думе и Государственному совету данного законопроекта, изданный Николаем II 14 марта 1910 г., признавался в «Окраинах России» началом в разрешении «финляндского вопроса», который «державною волей Русского Самодержца сдвинут с мертвой точки, на которой он пребывал уже много лет, и, по крайней мере, с юридической стороны вскоре получит свое разрешение» [16]. Таким образом, Манифест 14 марта 1910 г. давал долгожданное правыми силами определение четкой и ясной политической воли империи в данном вопросе. После издания Высочайшего Манифеста в газете

«Окраины России» начинается публикация цикла статей, подробно разъясняющих внесенный на рассмотрение в Государственную Думу «финляндский» законопроект. В. Ф. Дейтрих, член Государственного совета, один из участников особой комиссии, разработавшей данный законопроект, пояснял: «Он осуществляет ту мысль, что в едином государстве законы общего значения, т. е. такие, которые касаются всего государства, или интересов всех граждан, могут и должны получать свое бытие лишь в общегосударственных законодательных учреждениях». И далее было замечено, что «законы, издаваемые в местном порядке, очевидно, должны находиться в подчиненном положении к изданным в общем порядке» [Там же].

После публикации текста законопроекта военный юрист, историк Финляндии, генерал М. М. Бородкин в статье «Объяснительная записка к финляндскому законопроекту» [17] вывел основные положения проекта:

1) Финляндия, являясь нераздельной частью единого Российского государства, пользуется во внутренних своих делах лишь областным самоуправлением, основные начала и пределы которого определяются общим законодательством империи;

2) Основные государственные законы имеют в Финляндии такую же обязательную силу, как и в других частях государства. Изданные для Финляндии особые местные основные законы имеют силу только в отношении внутренних ее дел;

3) внутренними делами Финляндии почитаются местные дела, ни в чем не касающиеся других частей империи, ибо в силу статьи 2-й Основных государственных законов, лишь по этим делам Финляндии управляется особыми установлениями на основании особого законодательства. Прочие касающиеся Финляндии дела, кроме внутренних, подлежат разрешению впредь, как и ныне, в порядке, установленном общим законодательством империи. Мнение сейма по делам, по коим он будет запрошен, может иметь исключительно совещательное значение;

4) для лучшего обеспечения пользы Финляндии и ознакомления с ее нуждами, в состав Государственного совета и Думы вводятся представители от населения Финляндии;

5) изданные в общем порядке законы отменяют и изменяют законы, изданные в особом порядке, но не могут быть отменены или изменены последними.

М. М. Бородкин определил, что цель законопроекта была в обеспечении «на финляндской окраине неотъемлемых прав и жизненных интересов России, однако вовсе не задается планами ни нарушения

внутренней автономии Финляндии, ни денационализации финнов, ни посягательства на их культуру» [Там же].

Дальнейшие публикации газеты «Окраины России» по «финляндскому вопросу» уделяли пристальное внимание прохождению законопроекта в Государственной Думе и Государственном совете. В этой связи была опубликована речь, произнесенная председателем Совета министров П. А. Столыпиным перед членами Государственной Думы, в которой он указал на основные моменты «финляндского вопроса». После принятия 26 мая 1910 г. законопроекта в Государственной Думе он был передан 31 мая на обсуждение в Государственный совет, где уже к 17 июня был принят. По этому поводу в газете «Окраины России» только вскользь упоминалось о том, что в Государственном совете неожиданно оказались выступления против законопроекта, что объяснялось тем, что в «среде нашей бывшей высшей бюрократии всегда бывало не мало космополитиков», и отмечалась, что к чести Государственного совета таких лиц среди его членов оказалось немного, и законопроект прошел значительным большинством [18]. Таким образом, прерогатива общеимперского законодательства над местными финляндскими законами получила юридическое оформление, в чем газета усматривала заслугу, прежде всего, П. А. Столыпина, который «первый сказал прямое, правдивое слово о Финляндии, установил верный государственный взгляд на нее». Столь же высоко был оценен вклад в разрешение «финляндского вопроса», сделанный комиссией в составе Дейтриха, Мясоедова, Якунчикова, Корево, Бородинкина во главе с их председателем Харитоновым, которые «документально, ясно, со всех сторон осветили финляндский вопрос и сделали его достоянием и русского общества» [Там же]. Этот законопроект был определен как «продолжение дела Петра Великого, но не завершение», которое газета связывала лишь «с возвращением Выборга и его уездов, в смысле подчинения и их внутренней жизни законам единой, нераздельной России».

После принятия в Государственной Думе и Государственном совете закона 17 июня 1910 г. публикации, посвященные рассмотрению «финляндского вопроса» на страницах «Окраин России», приобретают периодический характер, отражая, в основном, современное газете положение дел в Финляндии. Тем не менее, и после 1910 г. «финляндский вопрос» в этом издании воспринимался в качестве далеко еще не разрешенного, но получившего правовое оформление, необходимое для дальнейшего проведения политики правых сил, направленной на отстаивание государственных интересов Российской империи в Великом княжестве Финляндском.

Источники

1. *От редакции* // Окраины России. 1912. 26 мая.
2. *О задачах и целях* [от редакции] // Окраины России. 1906. 5 марта.
3. *Кулаковский П. А.* Значение русского племени в России // Окраины России. 1906. 5 марта.
4. *Кулаковский П. А.* Слово к читателям // Окраины России. 1912. 22–29 декабря.
5. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1957. Т. 2.
6. *Наш* [псевдоним]. 1809–1909 // Окраины России. 1909. 3 января.
7. *Наш* [псевдоним]. Долг перед прошлым // Окраины России. 1909. 3 января.
8. *Нат* [псевдоним]. К столетию зимнего вторжения наших войск в Швецию // Окраины России. 1909. 14 марта.
9. *Бородкин М. М.* [б. н.] // Окраины России. 1909. 17 января.
10. *Куплеваский Н. О.* Справка о мнениях 25-ти русских ученых, специалистов права, по вопросу о юридическом положении Финляндии в составе Русской Империи // Окраины России. 1910. 2–9 января.
11. *Куплеваский Н. О.* [б. н.] // Окраины России. 1910. 25 января.
12. *Русская объединительная программа* по отношению к Финляндии // Окраины России. 1906. 5 марта.
13. *Норман [псевдоним].* Н. Н. Герард основывает финляндское государство // Окраины России. 1906. 12 марта.
14. *Кулаковский П. А.* Финляндский вопрос и чужое вмешательство // Окраины России. 1910. 23 января.
15. *Кулаковский П. А.* Заявление немецких профессоров по финляндскому вопросу и протесты против него русских обществ и ученых // Окраины России. 1910. 30 января.
16. *Дейтрих В. Ф.* Начало в разрешении «финляндского вопроса» // Окраины России. 1910. 20 марта.
17. *Бородкин М. М.* Объяснительная записка к финляндскому законопроекту // Окраины России. 2010. 27 марта.
18. *Окраины России.* 1910. 19 июня.